

Татьяна Скобелева – прозаик, публицист, автор многих книг и отдельных публикаций, юмористических и эзотерических рассказов. Член Союза писателей Москвы. Живёт и работает в столице. Недавно отметила свой юбилей. Редакция желает автору новых творческих успехов и публикует её рассказ.

Инна вскрикнула и проснулась. В который раз снится сон: белое лицо с широко раскрытыми мёртвыми глазами, на длинных ресницах капли воды, будто слёзы; вода слегка покачивает, будто убавляющая, прекрасную мёртвую девушку, стебли лилий переплелись с мокрыми прядями волос.

Это она, Инна. Только почему-то белая. С синими глазами и прямыми русыми волосами. И в лилиях...

Вновь закрыть глаза было страшно. Вытянув перед собой руки, Инна попыталась рассмотреть их в темноте, как в детстве, но увидела лишь светлые ладони. Остальное сливалось с темнотой. Потому что Инна была негритянской. Русской негритянской.

Страх начал отступать. Но на смену ему пришли мысли. Она была всегда чужой. Сначала в доме у бабушки. Черномазой. Уродлиной. Как жаловалась всем бабушка – мать её «нагуляла». Почему не сделала аборт? Не знала, что ребенок родится чёрным? Или просто опоздала? Инна давно не верила истории о скажном африканском принце, за которого мать побоялась выйти замуж. Но, когда была маленькой, с гордостью говорила во дворе, что когда-нибудь уедет к отцу и станет настоящей королевой... Она улыбнулась, вспомнив свои бесконечные игры в принцессу.

Хорошо, что Мила уехала, иначе тоже бы проснулась.

Этот сон приходил со странным постоянством – раз в два месяца, как по плану издавала. Ещё иногда снился большой деревянный дом на берегу реки и огромный чёрный пёс с ласковыми глазами. В детстве Инне не разрешали подбирать беспризорных щенков, а породистого так и не купили. В общественной тоже держать собаку нельзя, так что придётся пока подождать. Первым пунктом программы взрослой жизни после окончания МГУ был – щенок... Ещё можно пойти работать в зоопарк. Но потом. Инна училась на биофаке только первый год.

Захотелось выпить чаю с чем-нибудь вкусным. Как ни странно, на кухне все ещё базарили третьекурсники, обсуждавшие будущую практику на Белом море. Её появление вызвало оживление. Она тут же получила стакан горячего чая с карамельками. Из-за цвета кожи и выпуклостей с музыкальным ансамблем, Инну знали на всех курсах биофака. Правда, в ансамбле она не солировала, а подпевала и танцевала. Танцы с детства были её страстью, в пять лет она сама записалась в детскую хореографическую студию. Благо, двоюродный пионер находился поблизости от дома.

– Чего не спишь, Инес? – спросил Антон, длинный, белобрысый и трогательно внимательный. Он называл её на испанский манер, постоянно пытаясь опекает. Из-за хрупкости или из-за того, что в университет поступила в шестнадцать лет, Инна до сих пор выглядела подростком. Семнадцати ей должно исполниться через неделю. По этому поводу на Белом море намечалась торжества.

– Чаю захотелось. Варенье и хлеб вчера слопали, а на карамельках до утра не дотанцевал. Пиво я не люблю. – Инна укоризненно посмотрела на батарею пустых бутылок и занялась чаем.

– Ладно, старушка, не ворчи, – жизнерадостно парировал Димка, лучший друг Антона. – Десять бутылок пива на пятерых – ерунда. Поехали завтра на клубнику. Пригласил на дачу. Приглашал на клубнику. Испытаться можно – дом на берегу реки. Там летом такие лилии! – Он был ударником в ансамбле, и темперамент скальзывался не только на сцене. С Инной их связывала крепкая дружба. «Опять лилии. Проклятые какое-то», – подумала она, постаравшись придать взгляду беззаботное выражение. Но Антон уже перехватил её секундное замешательство и сердито глянул на Димку. Как и Мила, он знал об этих странных снах. Но Инна уже весело свернула агагатыми глазами под мохнатыми ресницами, дав согласие на завтрашнюю поездку. Она много слышала от Димки о его потрясающем дяде – историке и писателе, которого за густую седую бороду называли Стариком. Почему-то она перестала бояться сна, до утра ещё можно было поспать, и, несмотря на протесты «ночников», ушла к себе.

Но сразу заснуть не смогла. Невозможно передать, как любила она своё общежитие, этих ребят, особенно буйного вихрастого Димку и степенного Антона и всё-всё вокруг. Университет стал родным домом. Первым домом. Здесь она была своей: никто не обращал внимания на её тёмно-оливковую кожу. Здесь она не казалась экзотической диковинкой. А то, что она не уродина, можно было понять по пристальным взглядам не только ребят, но и преподавателей. Москва не Воронеж. Тем более общежитие Московского университета. Один аспирант из Алжира уговаривает выйти за него замуж, но Инна поспешивает, мол, ещё четыре года учиться, три года аспирантуры, к тому времени у алжирца будет, наверное, несколько жён и куча детишек.

Странно, как цвет кожи может влиять на отношение к тебе близких. Для Инны это большой вопрос. По существу, бабушка должна бы гордиться внучкой, которая в шестнадцать лет окончила школу с золотой медалью, превосходно рисовала, сочиняла стихи, выступала с танцевальным ансамблем, ещё и по дому успевала помочь. Мама вышла замуж за военного, когда Инне исполнилось четыре, оставив дочь у бабушки, которая не смогла смириться с мыслью, что её внучка чернокожая, и не любила её. Теперь у матери своя семья, двое детей. Белых детей. Отчим исправно посылал деньги, мама отправляла на праздники подарки и открытки. За всё время они только трижды приезжали в Воронеж, да и то на неделю, проездом, по пути в отпуск, к морю. А Инна ещё ни разу не была на море. Так что Белое море будет первым в её жизни.

Любила ли Инна мать? Когда была маленькой, конечно. Теперь... Она про-

Хозяин встретил гостей возле крыльца. Высокий, худой, с седой бородой, в белой лёгкой рубашке с расстёгнутым воротом и белых брюках, он приветливо поздоровался, а Димку обнял за плечи. Инна, шедшая последней, остановилась, заметив клумбу с колокольчиками, и странное чувство охватило её. Показалось, будто это всё уже когда-то было. «Бубенчики. Колокольчики-бубенчики, колокольчики-бубенчики...» – навязчиво звучало в мозгу. Она, присев на корточки возле клумбы, коснулась губами цветка. «А почему они не звенят, если колокольчики? – Просто ты их пока не слышишь...» «Чей это диалог?» – подумала Инна и неожиданно свалилась на землю. Это Дон, наконец, обратив на неё внимание, решил пообщаться.

– Дон! Что, негодник, делаешь? – закричал хозяин. Но Инна уже обхватила пса за шею и крепко прижалась к его сильному телу, вдыхая запах шерсти.

– Дон, Донушка, собака, – шептала она ему на ухо, не обращая ни на кого внимания. Кажется, ещё никогда она не была так счастлива.

– Инночка, если не жалко пса – ты его чуть не задушила, – то пожалей нас. Мы уже испеклись на солнце. Хочется есть и купаться, – весело произнёс Димка, галантно подав ей руку. Инна нехотя поднялась с земли, с трудом оторвавшись от собаки, и оказалась лицом к лицу с хозяином дачи.

– Александр Дмитриевич. Дядя этого шалопая. Мы с вами ещё не знакомы?

– Инна. Русская негритянка, – неожиданно даже для себя, с вызовом произнесла девушка.

– Вам не нравится цвет вашей кожи? Зря. Вам он к лицу. Вы похожи на чёрную розу. Редкий цветок. И, как знать, может быть, ваш сын будет новым

– Ну, Машенька. Не плачь. Я не знал, что ты вернулась. Почему так рано?

– Я услышала пение. Твой голос и Ани. Я понимаю, что это невозможно...

Дальше Инна уже не расслышала. Александр Дмитриевич обнял женщину и увёл из кухни. Димка, посмотрев на притихших ребят, объяснил:

– Это жена Александра Дмитриевича. Моя тётя. А Аня их дочь. Она утонула в шестнадцать лет. Моя двоюродная сестра. Аня мечтала быть балериной. В училище Большого театра училась. И пела хорошо. У нас вообще в семье все очень музыкальные.

– Твою маму зовут Катей? – неожиданно спросила Инна.

– Екатериной Дмитриевной, – подтвердил юноша и удивился. Дома у них она не бывала, да и родители весь этот год были за рубежом; и почему девушка из их ансамбля интересуется имя его матери, он понять не мог. А Инна уже не обращала внимания ни на Димку, ни на кого другого. Она вспоминала один из своих постоянных снов.

Балетный станок, огромное зеркало. И чувство лёгкости. «Партия венского стула». Однажды на даче она станцевала партию венского стула. Сама придумала. В их доме любили шутить. «Она? В их доме?» Какое-то сумасшествие. «Аня, Аннушка, цветочек мой». Знакомый до боли голос и глаза той женщины в дверях. «Аня, Аннушка, цветочек мой. Катя, не раскармливай Димку. Смотри! У него скоро щёки лопнут». Странно, в чертах Димкиного лица проглядывали черты того толстого мальчика. Хотя, так часто бывает: кажется, мы кого-то видели раньше или место, куда попадаешь впервые, знакомо. Инне вот тоже мнилось, что этот дом она знает наизусть.

Татьяна Скобелева

Белая лилия, чёрная роза

рассказ

сто понимала её и была благодарна за то, что та не слала чернокожую дочь в дом ребёнка. Год назад, после успешной сдачи вступительных экзаменов и бурной радости, детство растворилось, исчезло. Все, кто остался за той чертой, тоже исчезли. Инна почти не вспоминала о матери, о бабушке, и только вьюточки денежных переводов напоминали о семье. Она исправно посылала им к праздникам открытки, а братишкам игрушки, но на этом общении кончалось. Зато когда бабушка получила к своему дню рождения бандероль с московскими конфетами, то бегала по соседям, хвастаясь подарком от внучки. Об этом написала Инна школьная подружка.

Воспоминания детства уже не так тяготили. Было там и хорошее. Боль уже почти исчезла.

Инна начала думать о завтрашней поездке, о Димке, об Антоне... Мысли путались, тёмная дрёма, всё затопляя, растекалась по телу...

Утром Инну разбудил громкий стук в дверь и хохочущие голоса. Димка минуты не мог обойтись без шутки и смеха. Самый серьёзный на курсе – Антон. Но он был среди них и самым старшим: отслужил в армии и в университет поступил лишь со второго захода. Наверное, из-за совместных выступлений Инна больше подружилась с ребятами-третьекурсниками, хотя у неё были прекрасные отношения и со студентами своей группы. А с Милой, соседкой по комнате, они сразу же стали близкими подругами. Инна вспомнила ночное приглашение Димки на дачу, опять заземляло сердце.

«Странно, – подумала девушка, – я великолепно плаваю. Специально много лет хожу в бассейн. Откуда страх?»

...Когда Димка привычно открыл щеколду калитки, все невольно замолчали: имя димкиного дяди было широко известно, его книги шли нарасхват, а на лекции набивалось столько народу, что яблоку негде упасть. Почему племянник не пошёл по его стопам, было непонятно. «Да бесталанный я и смешиливый, – обычно отшучивался Димка, – на писателя толком не учат, а биолог, глядишь, получится». Но дядей своим гордился невероятно и постоянно таскал однокурсников на встречи с ним. Так что все, кроме Инны, были знакомы с Александром Дмитриевичем, но на дачу попали впервые.

С улицы дом был почти не виден за старыми яблонями. Когда Димка открыл калитку, висевший на ней колокольчик весело зазвенел. Как ни странно, звук снова разбудил тревогу в душе девушки. Когда-то у Инны тоже был колокольчик. Она часами могла играть с ним. Динь-дон... Неожиданно, с громким восторженным лаем на ребят налетела огромная чёрная собака. Димка с воплем бросился обнимать пса:

– Дон! Дружище!

А пёс, положив свои огромные лапы ему на плечи, норовил лизнуть в лицо весёлого гостя.

Компания во главе с Доном по дорожке, посыпанной белым песком, направилась к дому. Кроме Инны, Димки и Антона, была ещё девушка из их группы, но Инна почти не знала её.

Может, из-за невнимания к ней Дона непонятно почему Инна сразу почувствовала себя здесь чужой и ненужной.

Пушкиным, – светлые глаза Александра Дмитриевича лучились добротой и умом.

Внутри у Инны, казалось, что-то оборвалось, захотелось плакать, но она сдержалась произнесла:

– У вас красивый сад, но такой неухоженный. И солнышков нет.

– Солнышков? – вздрогнув переспросил Александр Дмитриевич. – Каких солнышков?

– Золотых шаров. Я так их называла в детстве. У дома обязательно должны расти золотые шары.

– Почему нет? Есть! Только с другой стороны дома, – с непонятной печалью в голосе ответил Александр Дмитриевич и пригласил всех внутрь.

Из тесной прихожей ребята прошли в довольно большую комнату, видимому, служившую хозяйке гостиной. В углу стоял огромный диван, старый и уютный. Инне захотелось забраться на него с ногами, как в детстве. Почему как в детстве? В их доме никогда не было такого дивана, а любимым местом девочки был закуток под большим обеденным столом, иногда она там даже спала.

Здесь тоже стоял большой стол, но не квадратный, а овальный. И венские стулья, лёгкие, танцующие. Стол был застелен серой холщовой скатертью, вышитой крестиком. Инне показалось, она даже знает, что вышито на ней.

– Командовать будем сами. Хозяйка приедет после обеда, а Дашу я отпустил. Кто ж у нас будет за главного? – спросил Александр Дмитриевич, глядя на Инну.

– Она у нас ещё несовершеннолетняя, дядя Саша. Обращаться надо к Антону. Он выступает в качестве опекуна. В случае чего, отшлепать может или в угол поставить, – насмешливо заявил Димка, обняв Инну за талию и повёдя на кухню.

Дело нашлось для всех, тем более что кухня была громадной и выглядела необыкновенно: отделанная деревом, с множеством открытых полок, с резной деревянной посудой, с большим столом и широкой деревянной скамейкой. Во всём чувствовалась хозяйская рука. Бросилась в глаза большая свежеевобеленная печь и аккуратно сложенные дрова перед ней. В углу стояли газовая плита и кухонный столик, над которым висела полка с различной утварью.

Компания под руководством Александра Дмитриевича дружно занялась приготовлением обеда.

Скоро все были знакомы так, словно всю жизнь знали друг друга. Не смолкал смех. Хозяин был человеком компанейским, Света, однокурсница ребят, оказалась симпатичной болтушкой. Инна чувствовала себя очень уютно, опущенные счастья, охватившее в саду, когда она обнимала Дона, не уходило. А когда Александр Дмитриевич затянул красивым баритонем старинную русскую песню, Инна подхватила её. Дуэт получился удивительный – хоть тут же на сцену.

– Инна, откуда вы знаете слова этой песни? – удивлённо спросил Александр Дмитриевич. – Вас Дмитрий выучил? Она почти не известна.

– Не помню. Может, слышала где-то. Я всё легко запоминаю, – ответила девушка и вдруг заметила в дверях кухни незнакомку. Женщина плакала. Александр Дмитриевич, вскочив с табурета, бросился к ней:

– Дим! А здесь терраса есть? С выходом в сад?

– Есть. Конечно, есть! На всех дачах есть терраса.

– А Дону сколько лет?

– Дону? Два года. Он сын Дика и внук Дона. Династия!

– Первый Дон при Ане был?

– Да. Они с Аней выросли вместе.

– Ну ладно. Мне здесь уже надоело, обед почти готов. Я в сад пойду. – Инна, встав, направилась к выходу.

– Подожди, я с тобой, – сказал Антон.

– Нет, хочу побыть одна – причесть растрёпанные мысли. Ладно?

Она бродила по саду, стараясь ни о чём не думать. Эти непонятно чьи воспоминания пугали. Они будто были её собственными, но девушка слишком хорошо помнила свою жизнь. И всё же... Если сейчас вернуться за угол дома, можно увидеть кустики «солнышков» и оказаться перед ступеньками террасы. Слева от входа будет стоять старинный столик на гнутых ножках, дальше – длинный полированный обеденный стол и широкие дубовые скамьи. В углу плетёное кресло-качалка с клетчатым пледом. Её ног коснулась пушистая шерсть, мокрый собачий нос ткнулся в ладонь.

– Дон! Донушка! – Присутствие собаки придало Инне смелости.

Она шагнула за угол. Увидела золотые шары, ступеньки, стёртые от времени. Дверь на террасу была приоткрыта. Слева стоял столик на гнутых ножках, на нём несколько журналов. Плетёное кресло-качалка дремало в углу. На длинном деревянном столе мёрзлого дуба – стопка тарелок к обеду. Днём обычно ели на террасе.

Взгляд Инны приковал карандашный портрет на стене. Она медленно подошла. С портрета смотрела девушка из сна, живая, смеющаяся. На голове веночек... Веночек из лилий...

И Инна вспомнила! Вспомнила всё. Даже то, как нечаянно сорвалась с обрыва на берегу реки и ударилась головой о камень. Ливень подмыл глинистый берег, а она слишком близко подошла к краю. Она? Значит, она и была Аней? Значит, это её родители?

Господи! С ума сойти можно. Этого ещё не хватало! Зачем ей нужна память чужой жизни?

Поступив в университет, она только начала обретать почву под ногами. А теперь, как когда-то на берегу, всё начало рушиться и увлекать вниз, в ту пропущенную жизнь. Сейчас она действительно вспомнила все. Имена подруг, учителей, своего мамы, голос отца и мягкую шерсть белого верного пса. Дон. Донушка...

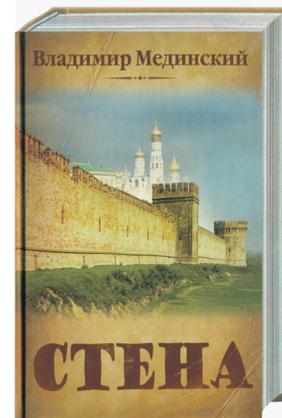
Инна автоматически перебрала шерсть на загривке собаки, прижавшейся к ногам.

И лишь этот привычный жест вывел её из забвения. Из агатовых глаз по тёмным щекам безостановочно потекли слёзы. Инна машинально подошла к маленькому диванчику, стоявшему в дальнем углу большой террасы, уткнувшись лицом в старую кожаную подушку и рыдала. Как в детстве... Дон пытался лизнуть лицо и руки, по-собачьи утешая.

Наплакавшись, Инна не заметила, как уснула, свернувшись калачиком. Точно так же, как когда-то на этом диванчике засыпала Аня. И точно так же, как когда-то, чьи-то заботливые руки укрыли её клетчатым пледом.

История и писатель

Мединский В.Р. Стена. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 624 с., ил.

достоверность ничуть не мешает развитию интригующего сюжета. Книга держит в напряжении до последней страницы. Автор, искусно утаивая тайны, согласно законам детективно-авантюрного жанра, не навязывает готовых решений и алгоритмов, но даёт возможность читателю самому разобраться и решить, кто прав, а кто виноват, кто честен, а кто лжив, — и лишь в финале мы узнаём правду. Ещё одно принципиально важное качество в том, что и действия героев, и авторская мысль развиваются под немеркнущим светом святоотеческих преданий и путеводной духовности русского церковного православия. Пожалуй, именно высоты духа превращают во многом авантюрный текст в широкий народный эпос.

В романе всё настолько органично связано и живо, что, чудится, каждое слово, каждый поступок персонажа влияет на историю и её движет. Книга неназойливо подсказывает, что история — крайне тонкая и хрупкая материя, которую можно повредить необдуманным действием, причём это относится не только к настоящему и будущему, но и к прошлому. Надо отметить, автор не случайно обратился к Смутному времени, к одному из важнейших периодов русской истории, определившему путь развития России на сотни лет. Поэтому В.Мединский не допускает метафорических предположений «что было бы, если...» Он не играет в беллетристику. Его цель: осмыслить с почти научной точностью исторические события, показать их значение и влияние на нашу современность, проследить главные параллели между Смутой давнейшей и Смутой нынешней. Ход истории непредсказуем. Но важно — не забывать о прошлом, учиться на его ошибках и уверенно смотреть в будущее.

Вот о чём свидетельствует эта поистине замечательная книга.

Поэзия в стиле блюз

Хасанова А. Осенняя душа. Астана: «Каз-ПрофНС», 2011. — 263 с., ил.

и уверенно идущей в чрезвычайно сложную и противоречивую жизнь, непосредственный взгляд на жизненные реалии, стремление к пониманию сути живой действительности и преодолению её негатива. На всё это человек способен лишь тогда, когда он окрылён чувством, дарованным свыше — любовью. Именно любовь как проявление высшего человеческого духа является камертоном поэтических строк автора.

Известно, что каждая книга находит своего читателя, как и любой читатель находит свою книгу. И, если вы держите в руках этот замечательный сборник страстной и тонкой лирики, значит, он вам предназначен.

Поэзия в стиле джаз

Мария Чемберлен. Сингулярность. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2012. — 156 с.

Эту книгу впрямую именовать литературным джазом. В ней мало от канона классического стихосложения. Канон, верней, прачется. Между ним, впитанным вместе с хорошей русской образованностью, да русской культурной традицией и неповторимым психотипическим существом по имени Мария Чемберлен, идёт уважительная распра. Традиция и образование требуют выражать мысли и чувства гладко, строго ритмически, под алфиментными безупречных рифм. А душа — слишком неистова, слишком охвачена лихорадочной неопределённостью, неуравновешенности современного бытия, яркой жадностью к материальной составляющей, душа слишком под обаянием рекламно-пиарных и прочих симулякров. Поэтесса стопроцентно выражает запросы и эстетические представления креативной прослойки современного мегаполиса с её высшим (двумя) образованием за плечами и с её мечтой о полном, обеспеченном золотыми кредитными картами и работой в крупных корпорациях существовании. Это поэзия для натур творческих с их великолепной психоэмоциональной генетической закладкой. В них много физических сил, в них много амбиций, много желания объять мир и его радости, — объять, может, уже на краю ближайшей пропасти апокалипсиса. Поэтому Чемберлен говорит, очень точно выражая содержание нынешних поэтов: «Юные дети читают Юнга, ходят снова по кругу. Да бросьте вы свои книги, Просто любите друг друга!» Джазовая поэтика М.Чемберлен наполнена яростной тгагой к любви — к любви вроде реальной, плотской, но одновременно и метафизически необъяснимой, так как никто не знает, почему и за что мы вдруг любим. И безумная эта почти любовная тяга крушит законы ритма и рифм, выплывает из них в рпловые ломкие рустические интонации. Почему? Вероятно, потому, что время гармонии на какой-то исторический момент закончилось и царит дисгармония, дабы установить новый баланс нашего трагического и прекрасного бытия.